

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

Уголовный
шкаф

Москва
2022

ГЛАВА 1

Над строительной площадкой в подмосковном Горчакове повисла неприятная, гнетущая тишина. Не работали экскаваторы, замер на месте бульдозер, замолчал компрессор. Рабочие сидели кучками на складированных сваях, на лавке возле вагончика и курили уже по пятой сигарете.

Комиссия приехала через два часа. Прораб, Олег Иванович Борисов, крупный мужчина с густыми темными волосами, сидел на лавке возле вагончика и смотрел пустым взглядом в сторону трех старых домов, которые должны были снести на этой неделе и продлить строительную площадку. За двадцать два года работы в строительстве у Борисова бывало всякое, включая и несчастные случаи, но чтобы вот так.

Состав комиссии был впечатляющим: заместитель генерального директора, заместитель директора по персоналу, начальник юридического отдела. Борисов посмотрел в сторону прибывших, покачал головой и стал смотреть в другую сторону. Представители

администрации медленно покидали микроавтобус, о чем-то переговаривались и постоянно осматривались по сторонам. Как будто намеревались тут же, с ходу, найти еще массу недостатков в работе прораба, возможно и вопиющих нарушений.

Гибель рабочего на производстве — это происшествие, которому оправданий, как правило, не находится. Даже если погибший был разгильдяем, алкоголиком или еще имел какие-то личные недостатки, то все равно виноват руководитель, который эти недостатки не учел, который поставил этого человека на это рабочее место, не проконтролировал и так далее, и тому подобное. Иными словами, куда ты сам-то глядел?

— Эх, Олег Иванович, — заместитель генерального вздохнул и сокрушенно покачал головой, — куда ты сам-то глядел. Жалко парня, мог из него и толк выйти.

— Что, не довезли? — поинтересовалась дородная тетка — заместитель директора по персоналу. — Эх, Борисов, как же ты так-то? Умер ведь парень прямо в машине.

— Да что вы из меня жилы тянете теперь! — взорвался прораб и вскочил на ноги.

Он заметался возле вагончика, как тигр в клетке, не зная, куда деться от всего этого кошмара, потом сник и снова опустился на лавку. Метаться можно до бесконечности, а поправить уже ничего нельзя. Сейчас начнут

опрашивать всех рабочих, мастеров. Кто, как, когда. И какого черта вдруг рубильник оказался закрытым деревянным щитом? И почему оголенные провода лежали просто так возле составленного у стены инструмента? Борисов и сам не мог ответить на этот вопрос. Такого просто не могло быть, но такое произошло. Мистика какая-то. Или, что скорее, кто-то захотел его подставить. Если подумать, то можно предположить, кто из рабочих, затаив обиду на строгого прораба, мог такое подстроить. Но ведь человек же погиб из-за этого!

И уж совсем уныло стало на душе Борисова, когда на площадку приехала молоденькая светловолосая следователь с погонями лейтенанта. И оттого, что она такая молоденькая, свеженькая и совсем непохожая на следователя, и оттого, что она так старательно делала строгое лицо, хмурила бровки и распорядилась, становилось совсем мутно.

— Скажите, Олег Иванович, — строгим голосом спрашивала следователь, — кто велел закрыть электрический рубильник деревянным щитом?

— Никто не велел, — сдерживая раздражение, ответил прораб. — Кто же мог велеть, если это вообще запрещено. Рубильник должен быть свободен от любых посторонних предметов и оборудования. К нему должен быть

свободный доступ. И всегда иметься наготове табличка «Не включать, работают люди».

— Тогда почему же он оказался закрытым? И в результате погиб человек.

Вопрос девушка задала таким тоном, как будто ответ был очевиден, задавать этот идиотский вопрос она была вынуждена, но это ей так неприятно. Ведь все очевидно. И Борисов снова сорвался. Он не кричал, не бегал по вагончику, в котором его допрашивала эта инфантильная следователь. Он скрипнул зубами и жестко, рублеными фразами стал говорить этой молоденькой, смазливой, неопытной ни в профессии, ни в жизни девушке.

— Это несчастный случай, а не чей-то преступный приказ! — рубил воздух словами Борисов. — Есть инструкция, ее все знают. И то, что произошло, — это не умысел. Погибший не был министром или генеральным директором, его незачем убивать умышленно, понимаете. Он был обычным работягой! Это несчастный случай. Это вообще мистика, если хотите. Мне вон одного прорицателя хватает!

— Какого прорицателя? — ухватила за эти слова следователь.

— Я вам скажу, только вы не смотрите на меня как на больного, — угрюмо отозвался прораб, глядя в стол. — Старик тут ходит из местных. В рабочее время ходит и не дальше охраны у ворот. Сторожа его знают. Он все

вещает, что место это проклятое, что трогать тут ничего нельзя. Снести нельзя, а то беда будет.

— Так-так! — быстро начала писать на своем листке следователь.

Выражение ее лица сделалось таким, как будто она наконец ухватила удачу за хвост и все расследование теперь сведется к простой формальности. Только записать, арестовать, и дело закончено. Борисов смотрел на девушку, понимая, что сболтнул лишнее, но молчать теперь было нельзя и он стал рассказывать дальше.

— А по ночам сторожей здесь пугает привидение. Это вы тоже запишите. И допросите их, они вам расскажут. А еще на стене в одной из квартир дома, который мы снесли два дня назад, надпись появилась. Кровью! И ее видели десятки людей. Рабочие специально бегали смотреть в обеденный перерыв.

— Так-так, фамилии, пожалуйста. Кто видел эту надпись?

— Твою мать! — шепотом ругнулся Борисов и снова обреченно опустил голову.

Мария озабоченно крутила головой и не замечала, что молодой рыжеволосый таксист поглядывает на нее с загадочной улыбкой.

— Вон там, мне кажется, направо. — Мария протянула руку.

— Да, знаю я, знаю, где этот ваш «Раритет» находится. — Водитель заулыбался, разогнав по лицу все свои задорные веснушки. — Место известное!

— Да? — удивилась Мария. — Что, такой известный магазин?

— А то! — снова расплылся в довольной улыбке водитель, сворачивая на перекрестке. — У них там стабильно раз в квартал в начале первого месяца обновление. Я туда столько экспертов перевозил, сколько их и в Москве не живет.

— Ну ладно, — успокоилась Мария и снова посмотрела на часы.

Подруга была обидчивой, когда дело касалось ее увлечений и непонимания этих увлечений окружающими. Особенно близкими подругами.

— А я вас знаю! — заявил наконец водитель. — Вы Мария Строева! Актриса!

— Ну... да. — Мария вежливо улыбнулась. Она стала уже несколько уставать от своей популярности.

— Я с девушкой в субботу ходил на ваш спектакль. — Водитель оторвал одну руку от руля и смущенно поскреб пальцем в рыжей шевелюре. — Я вот все хочу узнать. А как вы вот в роли свои вживаетесь?

— Иногда очень крепко вживаемся, — вздохнула Мария.

■ — Нет, я не о том. Вот вы играете чувства

на сцене, или вы настолько погружаетесь в образ, что на самом деле эти чувства как будто испытываете?

— О-о, молодой человек, — засмеялась Мария, — тут вам за пять минут и не объяснить всех тонкостей нашего ремесла. Вы лучше откройте Интернет да поищите все о системе Станиславского. А заодно и о системе Михаила Чехова, если заинтересует. Знаете, в жизни даже может помочь. Да еще при вашей работе, когда приходится ежедневно с большим количеством незнакомых людей общаться.

— Да? — Водитель сделал серьезное и даже какое-то озабоченное лицо. — А что это за системы? Тренироваться надо?

— Вы, — Мария поискала на панели машины табличку с именем и фамилией водителя, — Володя, главное, почитайте, а там сами поймете. И остановите мне машину вон возле той дамы в красном!

Дамой в красном была давняя подруга Марии Виола Палеева. Они играли в одном театре уже много лет, и Виола по рождению была не Виолой, а Валентиной. И по мужу, бросившему ее шесть лет назад, она была Кузнецовой. Но по мнению самой Виолы, для актрисы просто неприлично иметь такое имя. Что такое Валентина Кузнецова? Это намек на крестьянское происхождение или непрекращающуюся череду неудач в жизни. Это может

означать только комнату в старой хрущевке (не важно, что в Москве их уже не осталось), неустроенность в личной жизни и полное отсутствие внимания достойных мужчин.

А сочетание Виола Палеева, как значилось во всех афишах и программках, по мнению подруги, возносило ее автоматически на уровень нимф, воздушных созданий, личностей духовных, душевных, творческих и «не от мира сего». Не может быть «от мира сего» Виола Палеева! Она же не какая-то там Валентина Кузнецова. И одевалась Виола так же вызывающе. Хотя, надо было отдать должное, она имела вкус и выглядела стильно всегда, даже когда выезжала с компаниями на пикники. Стиль — вот главное в жизни, говорила Виола не раз Марии и гордо вздергивала головку с острым носиком, пухлыми губками и томными глазками. Ее рука поправляла струящиеся волосы, и все вокруг должны были вздыхать и замирать от восторга.

— Маша! — вспыхнула карими глазами Виола, увидев выходящую из такси подругу. — Ты снова опаздываешь! Как можно в наше время?

— Ну, прости, прости. — Мария церемонно приложилась щекой к щеке подруги, потом ко второй. — Ты же знаешь, что пробки повсюду. Ну, показывай свое сокровище.

Мария к подруге относилась снисходительно. Она скорее забавляла ее своими ма-

нерами и своим стилем жизни. Хотя и в глубине души Виола была женщиной доброй, и подругой она была верной тому, кто дружил с ней искренне.

Виола подхватила Марию под руку и буквально потащила к магазину, непрерывно щебеча и воркуя:

— Ты не представляешь, Мари, что это за чудо. Он стоял в запасниках филиала Пушкинского музея, стоял очень много лет. Я даже не представляю, почему! Это такое чудо! Ты же знаешь, как у нас чиновники могут испортить любую хорошую идею, если им дать волю. Филиал новый, его только-только передали под крыло Пушкинскому, потому что он территориально теперь вошел в границы Москвы. Ты же знаешь, что у нас недавно снова расширили эти границы... Скоро Москва станет шире Московской области! Классная шутка, да? Это мой Вадик откуда-то принес.

Мария слушала и улыбалась болтовне подруги. Виола умела скакать с темы на тему в разговоре и снова возвращаться к изначальной в нужный момент. Она как будто наслаждалась лирическими отступлениями в разговоре. Она вообще жила так, как будто наслаждалась жизнью. Редкое и удивительное качество.

Обширные недра антикварного магазина приняли в себя подруг, окутав их атмосферой

старины, благоговейной тишины и запахами старых гобеленов, мебели, тусклого блеска позолоты и начищенной бронзы. Даже Виола стала говорить чуть тише. Правда, она не упускала возможности осмотреть себя в зеркалах, подбирая животик и расправляя при ходьбе плечики. Мужчина у окна, рассматривавший со своей дамой бюро XIX века, чуть не свернул шею, глядя вслед красному костюмчику Виолы с глубоким вырезом впереди и высоким разрезом сзади, открывавшим ее пухлые бедра.

— Мадам? — Худощавый парень в больших очках с бейджиком продавца магазина, видимо, знал Виолу прекрасно и давно усвоил стиль общения с ней. — Ваш шкаф ждет вас. Я бы сказал, что он скучал!

— Ой, Володя, — Виола грациозно взмахнула кистью, — вы скажете тоже. Ну, проводите же нас к нашему сокровищу!

Мария улыбнулась этому маленькому театрализованному представлению. Что делать, Виола любила и умела устраивать вокруг себя вот такие маленькие спектакли с собой в центре. Она шла за подругой и продавцом Володей среди старинной мебели и предметов интерьера, расставленных на столах, тумбах и просто на полу, если им не было предназначено висеть под потолком.

Шкаф обнаружился в самом дальнем углу торгового зала, возле двери, ведущей в служебное помещение. Сооружение в трех уров-

нях из темного дерева выглядело солидно и несколько тяжеловато. Но, глядя на плавные изгибы формы, сложный рисунок резьбы, обилие архитектурных элементов, в памяти сразу всплывало знакомое когда-то слово «барокко». Шкаф впечатлял. Он был монументален. Он вполне мог вписаться в современный интерьер, стилизованный под европейское барокко. Интересно, подумала Мария, а ведь Виола ни словом не обмолвилась, что собирается делать в квартире ремонт. Не в ее вкусе ставить такие шкафы на фоне флизилиновых обоев и дверей типа «канадка». Темнит что-то подруга! Тем более что этот шкаф, если она не врет и если он и правда из запасников музея, стоять должен как вся ее квартира.

— Вот ваше сокровище, — ловко выхватив из бокового кармана пиджака тонкие хлопчатобумажные перчатки, заявил продавец. — Вы помните наши правила? Пока это экспонат, прикасаться к нему можно только в перчатках.

— Ах, — элегантно взмахнула ручкой Виола, — мне не терпится привезти его домой и трогать там сколько хочется. А здесь...

— А сколько он стоит? — перебила подругу Мария и решительно взяла из руки продавца перчатки. — Если это и правда восемнадцатый век, то стоять он должен очень много.

— Прошу вас, — повел рукой Владимир, приглашая обойти шкаф и взглянуть на него с другого бока. — Во-первых, это конец восемнадцатого века. А во-вторых, увы, изделие попорчено. Взгляните. Не самое видное место, но все же. Говорят, что если гниль в дереве завелась, то остановить ее разлагающее действие уже невозможно. Санации не помогают.

Мария увидела, что верхняя часть правого блока и задней части в самом деле испорчены. Видимо, не одну неделю, а может, и месяц вода капала на эту часть шкафа. Вода, видимо, грязная. Лаковое покрытие потемнело, на стыках деталей появились темные пятна. Было очевидно, что разложение древесины пошло уже вглубь. Странно, что в музее изделие восемнадцатого века хранилось в таких условиях. Хотя если Виола говорит, что шкаф попал в филиал из вновь зачисленного в структуру районного музея, то все возможно.

— Вот смотри, Маша. — Виола гордо взирала на шкаф блестящими от восторга глазами. — Это чудо встанет в гостиной. Сейчас один мой хороший знакомый дизайнер прикидывает интерьеры под этот шкаф. А Вадик сказал, что он все эти пятна починит легко. Хочешь посмотреть его внутри?

Мария, уже успев надеть на одну руку перчатку, провела по поверхности дверки рукой. Потом потянула за ручку. Дверца от-

крылась без скрипа, и в лицо пахнуло специфическим запахом. Мария мысленно назвала его запахом веков, потому что это было первое, что пришло ей в голову. Сколько поколений владели этим чудом мебельной архитектуры, сколько всего разного тут хранилось за эти столетия. И все оставляло свой запах, все впитывалось внутренними стенками. Но большей частью шкаф, видимо, сохранил запах натуральной пропитки, которой была обработана древесина. Никакой химии, все только настоящее, природное.

— Да, красиво и надежно делали тогда, — с улыбкой отметила Мария. — Действительно на века!

— Произведение искусства, — подал голос продавец Володя, напомнив о своем присутствии. — Так когда вы его будете оплачивать и забирать? Мы, видите ли, не можем держать приобретенный или просто отложенный товар достаточно долго. По закону...

— Уймись, Вова! — вдруг сменила интонации Виола, перейдя на вульгарный тон. Она двумя пальцами вытянула из клача пластиковую банковскую карточку. — Оплачивать будем прямо сейчас!

Лев Иванович Гуров уселся за столом для совещаний на свое привычное место у окна. Ежедневные планерки у генерала Орлова бы-

ли привычными. Порядок рассмотрения вопросов, заслушивания отчетов и докладов, постановка задач — все это не менялось с годами. Старый друг Петр Николаевич Орлов любил во всем порядок, методичность. И стиль проведения ежедневных утренних совещаний оставался прежним. Менялся только сам генерал Орлов, не щадили годы старого товарища.

Да и что говорить об Орлове. И сам Гуров, и давний напарник и друг Станислав Крячко тоже уже не мальчики. Сколько за эти годы молодых офицеров выросло в стенах Главка уголовного розыска на глазах матерых сыщиков Гурова и Крячко. Напарники сработались так, что понимали друг друга с полуслова. А иногда по одному взгляду. И когда они работали, то не задумывались о том, насколько сблизили их жизнь и служба. Понимали они это, когда обстоятельства их разлучали. Как сейчас вот. И сразу чего-то не хватает, сразу какой-то дискомфорт, ощущение неуютности.

Гуров покосился на пустой стул Крячко. Этот взгляд не укрылся от генерала Орлова.

— Ты, Лев Иванович, не страдай и вздохами молодых сотрудников не расслабляй. Твой напарник убыл на заслуженный отдых в отпуск, ты сам через неделю отправишься уплотнять телом песок юных пляжей. А пока ты здесь, я хотел тебя попросить взять на кон-